

Калия Сундеткалиева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ в современной поэзии Казахстана

Со второй половины XX века в литературе Казахстана усиливается тенденция, когда представители казахской, немецкой и корейской литератур средством отображения своего поэтического мира и воссоздания его реалий избирают язык русский. Поэтические голоса О.Сулейменова, Б.Кананьянова, Б.Каирбекова, Б.Кенжеева, А.Шмидта, О.Жанайдарова, Сагин-Гирея, С.Ли, Е.Зейферт и многих других уверенно входят в речестрой современной поэзии.

Подобная картина характерна для всей мировой литературы, в которой со второй половины XX века все сильнее проявляются интегративные процессы. Возникает феномен англоязычного творчества В.Набокова и И.Бродского. Лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2001 год стал представитель островного государства Тринидад и Тобаго известный английский писатель В.Найпол. Премию Букера за 2001 год получил англоязычный писатель П.Кэри, выходец из Австралии, создавший книгу об австралийском Робин Гуде XIX века.

Символично, что одна из глав книги М.М.Ауэзова «Ипшокрена. Хождения к колодцам времен» носит похожий заголовок: «Кто мы? Языковое инобытие и двуязычие». Речь в данной главе идет о творчестве и исканиях русскоязычных писателей В.Санги, Ю.Рытхэу, Т.Пулатова, Ч.Айтматова. А далее – двуязычие Алишера Навои, Юсуфа Баласагуни, Тоньюкука [1].

Мотив пути связывает настоящее с прошлым в поэзии Б.Кананьянова: «Идет через судьбу моя дорога к храму...» («Идет через твой дом моя дорога к храму...»). О преемственности знаний, духовного опыта размышляет поэт. Изменилось время, которое принесло новые технологии: «Эта мудрость земных фолиантов / Переходит в компьютерный диск» («Вспоминаю былого кумира...»). Но хотя и «все подсчитано в свете программы, все заложено в файлы», творческая личность пребывает в поиске воздуха «таинственной драмы» и раскованности детской мечты [2].

В стихотворении «Объединил вас Махамбетом...» обращают на себя внимание следующие строки: «Какое счастье – не прогнувшись, / Идти на Вы». Чья это позиция: поэта XX или XIX века? Думается, и того и другого.

И вновь – связь времен:

Приходят образы святые,
И прошлый век
На файле строки роковые
Несет для всех.

Лирический герой стихотворений поэтического сборника «Неразменное» [3] Сагин-Гирея мечтает о путешествиях в страны Европы и Америки, чтобы искать всюду «отсветы поэзии», «подняться над химерами примет, что разделяют расы и народы» [3]. Повседневность отпускает узника, в котором «говорит пространство», в широты, неподвластные уму. Он легко снимается с насиженного места, «чтоб мягкая горизонталь ковра / сменилась восхождением к Эвересту, / а ровный свет – лоскутьями костра». Но возвращается поэт в детство, прошедшее на берегу Волги. Снятся ему «трав загадочные толки, / в реках месяца осколки,

/ маяков влекущий свет» [3]. Стихотворение так и называется «Уроженцу Нижней Волги...»:

И воды раздольный запах
Чем пропитан в детстве был,
На любых судьбы этапах,
И восток пройдя и запад,
Не забыл, не разлюбил.

Детские воспоминания (баржи, цапли, острова), как и волжские дни, так пронзительно светлы и дороги, «что кружится голова». Словно обратный путь во времени прошел герой, перемахнув через забор будней, и стал опять самим собой, чтобы услышать, «как порой закатной / пахнет, пахнет всеохватно / камышами и водой». Но перед «свернутым, как свиток, прошлым» оправдываться вовсе не резон. Лепет книг детства, дорогих сердцу, слышит поэт сквозь годы и торопится к саду соловьиному, в раздолье речушек журчащих и трав...

Трогательно стихотворение о керосиновой лампе, «керосиновой душечке», которая освещала скромный быт семьи, бакенную. И поэт хранит нежную память об этой поре.

На перетоке Запада в Восток
Среди кувшинок, лотосов и цапель
Я рос.

В следующем стихотворении «Мне в детстве говорили...» автору «манящей заграницей, / вдали сияя, грустно снится / полузабытый отчий край» [3]. Концепт памяти очень силен в творчестве Сагин-Гирея. Еще один пример, очень яркий: «Корабль несбыточного лета / по памяти плывет / за мной». Всесильный ветер странствий наполняет поэтические строки Сагин-Гирея, но веков спрессованная память давит на плечи. Он вспоминает своих предков, которые брали Азов, ласкали красавиц волооких. В них был тот же зов Небес и Поля, что заставлял будущего поэта в детстве распахивать окна для «степной сладкой стихии».

А «У памятника Чокану» поэт приветствует великого сына родного народа, который, служа империи, умел...

От пут достойно отстоять
И вольно поступать и мелким
Расчетом душу не пятнать [3].

И вновь на реке детства автора «звонят в жару кувшинки». И золотые ливни только в том краю, «где не было меня счастливей».

Реалии степи постоянны в поэтических строках Сагин-Гирея. Поэт созерцает свой день, как беркут с высот. Руки саксаула и царственно цветущий тамариск тянутся к нему. Запоздалая стрекоза пьет из воздуха жизни соки. В стихотворении, озаглавленном «Степь», зеленые дали отчизны простодушны и непритворны.

Я Степью пленен, как когда-то был морем.
Здесь вечное небо целует взасос
Багряные щеки ее плоскогорий
И бархат полынно-медвяных волос.

Поэзия рубежа веков отличается острым восприятием стремительно меняющегося мира. В век всеобщей глобализации, технократии важно сохранить преемственность и связь с прошлым. Об этом – поэзия русскоязычных поэтов суверенного Казахстана, питающаяся из двух источников: казахской и русской классической литератур.

На рубеже столетий немецкие поэты Казахстана переосмысливают свою жизнь и свою судьбу, размышляют о близких. Их поэзия пронизана горечью утрат. Представители старшего поколения – И. Варкентин («Берлинские сонеты», 1996), Л. Розин («Трансплантация души», 1997), Н. Пфедфер («Время любви», 1998) окидывают взглядом пройденный путь, размышляют о приобретениях и потерях трагического XX века. Их поэтические сборники увидели свет за пределами Казахстана: Москва, Берлин, Бонн, поэтому, может быть, ясно просматривается мотив растерянности, потерянности. Но и в поэзии Н. Рунге (сб. «Синегорье», Костанай, 1998) звучат нотки расставания, горечи от разлук:

И, собрав на дорогу суму,
С казахстанской земли уезжает...

И все-таки, несмотря на все выпавшее на долю немецкого народа, поэты дорожат «золотыми мгновениями счастья». Об этом размышляют С. В. Ананьева и Е. И. Зейферт в статье «Немецкая литература», представленной в коллективной монографии «Литература народов Казахстана». Поэтом трагической судьбы можно считать Н. Пфедфер, но личная трагедия не сломила ее: «...сама прошедшая ад ГУЛАГа, потерявшая родных и близких, единственного сына», поэтесса «высвечивает радость бытия, «золотые мгновения счастья» [4].

В жанровом отношении современная немецкая поэзия Казахстана представлена разнообразно: лирические циклы (Л. Розин, А. Шмидт, Р. Франк), лирические стихотворения (А. Шмидт, Е. Зейферт и др.), венок сонетов (Е. Зейферт), поэмы (Е. Зейферт и др.) и др. Так, у Р. Франка, А. Шмидта и Л. Розин «чётко проявляют себя все жанрообразующие признаки лирического цикла, а именно: авторская заданность композиции, самостоятельность входящих в цикл произведений, одноцентричность, центростремительная композиция, лирический принцип сцепления стихотворений в цикле (лирический сюжет), лирический принцип изображения» [5]. В немецкой поэзии представлены (но не так широко) книга стихов, лирический цикл, эпические и лиро-эпические стихотворные жанры – басня, баллада, поэма, идиллия, сонет, элегия, послание.

Отличительной особенностью немецкой поэзии Казахстана является двуязычие. Приведем мнение авторитетного казахстанского критика Н. Ровенского, размышляющего о проблемах казахско-русского двуязычия на примере творчества Б. Момыш-улы. В сборнике статей «Читая и перечитывая...» Н. Ровенский рассуждает о взаимодействии национальных литератур, а конкретнее – о «своеобразнейшем процессе взаимодействия казахской индивидуальности и русских художественных средств» [6]. Именно здесь, по мнению известного литературоведа, открывшего миру О. Сулейменова, «начинается область для литературно-критических и психологических исследований».

В этом плане представляет определенный интерес поэтическое творчество Е. Зейферт, которая нередко включает в стихотворение, написанное на русском языке, слова, образы, символы, озвученные на немецком. Этим приемом достигается удивительный эффект. Прочитаем знаковое для поэтессы стихотворение «*Ruslanddeutsche*»:

Рот, вмещающий два языка.
Vater, Отче, скажи, чья дочь я?
Точит кирху на дне река...
«Твой удел – терпеть, *Ruslanddeutsche*...

Стихотворение – программное для карагандинской поэтессы. В нем – боль по отчужденному дому, поэтому возникает пронзительная строка: «В отчем доме хочу домой...» И далее многоголосие:

Предок! «Кости лежат в Карлаге».
 Кирха! «Колокол мой немой».
 Нибелунги! «Ты веришь в саги?..»

XX век, принесший тяжелейшие испытания народам: депортация, трудовая армия, нарушение привычного уклада жизни, затопленные и разграбленные церкви, вошел в судьбу лирической героини, как и в судьбы миллионов других. Но у нее есть богатство, которое навсегда останется с ней. В ее томящейся душе обрели пристанище две культуры, два духа: «Вдвойне нам достанет родительской речи...». «Русской крови ни капли в жилах, – признается поэтесса в стихотворении «Онемечить меня отчизне», – А язык до восторга родной!» [7]. Так на просторах Евразии перемешались языки, наречия, народы, культуры.

Место жительства – тесная юрта.
 Время жизни – страдания клеть [7].

В родной Караганде, в Карлаге «немцы штабелями эмигрировали в никуда». А в казахстанских славянских Еленах заплутала ее Lorelei. Молодая поэтесса пытается разобраться в своих корнях, «рвется в Москву и идет на Берлин», и вырастает душою, как спрутом, «в свой восточный и западный сплин» [7].

Символично название сборника стихотворений А.Шмидта – «Зерна дней»: зернышко к зернышку – и складывается год. Поэзия А.Шмидта наполнена светом и добротой. В ней основные – мотивы семьи («Семейная история», «Куст говорящий», «Бабушке», «Дорога на молоканку»), мотивы детской памяти («Вспоминаю», «Память»), мотивы лета («Сентиментальный сонет уходящему лету», «Июль»), мотивы старости («В больнице», «Проводы света»). Мотивы горечи, обиды, памяти сближают стихотворение «Осенняя песня» А.Шмидта с элегией, а в других – «Один – как перст...», «Усталость» – преобладают мотивы грусти, уныния, разочарования.

Наш мир не может быть изолированным, отсюда – мотивы коммуникаций (письмо и весть). «Письмо становится метафорой, символом: умершая одинокая старушка в гробу – почтовым ящике как письмо к Богу до востребования («До востребования»), «день в щель двери протиснулся конвертом («Письмо»)» [4].

В современной идиллии А.Шмидта «Утопия XX века» мир изображен временем всеобщего родства. Жизнь, наступившая на планете, несет черты идиллии «атомного века», жизни без угроз, атомных бомб, смерти, голода и страха. В стихотворении «На добром слове» лирический герой уверяет, что весь «мир держится на добром слове». Это предложение является лейтмотивом стихотворения. Доброе слово лежит в основе мира, и надо лишь «скорей его произнести и словом добрым мир спасти» [8].

Мотивы детства в поэтическом сборнике А.Шмидта дополняются темой детства в поэзии его молодой современницы Е.Зейферт. В сборнике «Детский взгляд Караганды» практически в каждом разделе: «Стихи для детей», «Стихи для подростков», «Басни», «Загадки», «Шарады», «Скороговорки», «Считалки», «Каламбуры», «Частушки», «Сказки», «Рассказы и миниатюры» представлено оригинальное творчество поэтессы и прозаика. Одно из стихотворений «Женщина: жена – мать – бабушка» посвящено матери – С.А. Зейферт. В лирической миниатюре автор находит точные сравнения для своих героинь:

Высокий дар – любимой быть женою,
 Лить ровный свет, лучась, из серебра
 И быть роскошной полною луною.

Одним словом «мама» можно заменить весь мир, потому что оно звенит «лучами, *солнце* наше». А бабушка хороша, как *небо*:

Она опустит нежные ладони
 На детский мир, и ввысь вспорхнет душа,
 И станут явью сказочные кони [9].

Мотивы Родины – общие для немецких поэтов Казахстана. И если на рубеже столетий уехавшие в Германию тоскуют о Казахстане, не случайно, наверно, одно из своих последних произведений Г.Бельгер назвал «Дом скитальца», то оставшиеся здесь воспевают ту землю, на которой родились. Любимый город – Караганда («золотая серединка, как вежа меж столицей и селом») взрастил героиню стихотворения «Карагандинка». Е.Зейферт с гордостью восклицает:

...крупинка
 Моя везде – казахскою пургой!
 Я топну ножкой – я карагандинка,
 И не хочу я родины другой [9].

Казахские реалии: невиданный размах и «соль восточных глаз» родной Караганды, «снег с крупинками угля», «Аргамак – конь-гора, конь-долина, конь-ветер...», «златоподковый скакун» органично входят в ритмику и словесный ряд стиха. Стихотворение «Родина» – программное для поэтессы, перед которой «дастарханом раскинулась желтая степь». Герой стихотворения, от лица которого ведется повествование, просит разрешения у степи, одушевляя ее и наделяя качествами живого существа, «кумыс талых вод пригубить и воспеть». К сожалению, он не владеет домброй и кобызом, но связан со степью сердечными струнами:

Я хочу в своем сердце навеки оставить
 Синий облик Медео, покой Жетысу... [9].

Таким образом, творчество немецких поэтов Казахстана является частью своей национальной литературы и составной – литературы народов Казахстана, так как «художественно-эстетическая значимость всего литературного процесса немыслима без признания ценности как каждой национальной литературы, так и каждой творческой индивидуальности, в том числе и двуязычного автора» [10].

В отличие от немецких поэтов Казахстана корейские прозаики и поэты среднего поколения пишут только на русском языке, передавая в своих образных мирах картину национального мировидения. Станислав Ли издал в Москве поэтический сборник «Пригоршня света» [11]. Сборник состоит из следующих разделов: «Моя память – костер негасимый», «...Спешит мне навстречу – совсем налегке – мое детство...», «Не умолкай, дянгун... дянгун», «Задержу. Задержу уходящее солнце ладонью...», «В сердце моем одиноком тенью крадется любовь».

Сборник разнообразен по тематике. Поэт использует разные изобразительно-выразительные средства. Не осталось почти корейских имен, констатирует Станислав Ли, остались «короткие наши фамилии»:

Но по-прежнему пища
 Родная горчит,
 И дед
 На вопросы о прошлом
 Молчит.
 «Не стало корейских имен».

Поэт пишет о долгом пути скитанья, о родной земле:

Не просто ответить –
 Кто мы.

К югу и северу
Тянутся наши следы,
Гнезд родовых начала.
«Нам не дано...»

Два поколения корейцев выросло в степях Казахстана, «роднее которых уж, кажется, нет...» («На Дальнем Востоке»). Но лирический герой возвращается снова и снова к памяти деда, в Посыет:

И лижет мне рану
Моря кусочек,
Похожий на чей-то
Шершавый язык...

И мерещится «в неоглядной степи / Рокот далекий / Морского причала».

Сквозь годы слышится лирическому герою звук школьного звонка и страстная речь школьного учителя истории, сошедшего с ума (читатель может домыслить сам, от какого непосильного груза душевного груза помутился разум учителя). Лирическому герою навстречу спешит «совсем налегке» его детство...

Герой взрослеет, взрослая жизнь уводит его из родного селенья. И рождается лирическая миниатюра:

Кукушка в горах,
В моем селенье,
Отсчитывает время
Без меня...

Архетип времени неотрывен от пути скитания, по которому прошел народ с просторов Дальнего Востока до степей Казахстана. Старинный музыкальный инструмент – дянгу – символизирует не только ритм времен, он помнит прошлое и выступает свидетелем настоящего. Мелодии дянгу вбирают «радость и народа стон / И долгий путь скитанья...».

Мы разделяем точку зрения К.Э.Штайна о том, что «глубина текста во многом зависит от феноменологической заданности текстов и тех культурных неязыковых слоев, которые активизируются языковыми слоями, в первую очередь, это слои артефактов» [12]. Артефактами могут выступать музыкальные инструменты, музыкальные формы произведений, имена композиторов.

Не на все вопросы прошлого получены ответы: «И дед на вопросы о прошлом молчит...». Глубоким философским смыслом наполнены строки стихотворения «Оранжевая, закатная полоска...»:

Не уходи,
Пока не станешь смыслом
Для тех,
Кто позади.

Преимственность поколений должна сохраниться, как должны быть переданы знания, жизненный опыт, национальный уклад.

С одинокой вершины холма
Одиноко всплывает луна...
Одиноко стою у дороги –
И кругом тишина, тишина...

Архетипические образы дополнены в поэзии С.Ли мотивом одиночества. Скрипка играет всю ночь одиночества печальную мольбу. Одинокий след на снегу, одинокое сердце, одинокий клен, одинокий кулик... Ряд поэтических

эпитетов может быть продолжен. Из песчинок тоски вырастает тень, тенью крадется любовь.

Станислав Ли тонко чувствует свое национальное «я». Более 20 лет он изучал не только родной корейский язык, но китайский и японский, чтобы приступить к поэтическим переводам классической корейской поэзии с I по XVI века. В то же время он, как и А.Ким, твердо убежден в том, что детские воспоминания формируют душу взрослого человека. «Душу человека формируют ландшафты той страны, которую впервые увидел он в самом раннем детстве. В дальнейшем она не может измениться. Душа может только расшириться и дополниться другими картинами мира. Я навсегда останусь огнепоклонником солнца, яростно пылающего над раскаленной бескрайней степью. Никогда не перестанет шуметь и мельтешить в моей душе многоязыкий пестрый базар народов. Я стану человеком множественного, полиментального склада характера» [13]. Это пишет А.Ким. Приводя цитату из повести «Мое прошлое», авторы главы о корейской литературе в пока что первом и единственном на сегодня исследовании «Литература народов Казахстана» отмечают, что «навсегда вошло в душу писателя «огромное пространство, которое вмещает в себя и круговые полеты орлов, и предгорную равнину, и желтые холмы Казахстана». В душе писателя распахнулись огромные орлиные просторы, и она пропиталась насквозь жарой казахской пустыни» [14].

Станислав Ли проявляет живой интерес к казахской культуре, к культуре народа, среди которого вырос. Он любит слушать домбру, наблюдать за участниками айтысов и т.д. Но в символику его стихотворений включены реалии национального быта. Камышовые шляпы-саккади, теплый кан и др. Неизбежная осколочность воспоминаний передает общее через личное, сопричастное тайне любого детства: печально-медлительные национальные танцы, таинственный и нежный мотив народных песен. Но по-прежнему, несмотря на то что два поколения выросли в степях Казахстана, «роднее которых уж, кажется, нет», слышится «рокот далекий морского прилива». Не просто ответить автору и на вопрос: «Кто мы?»

К югу и северу
Тянутся наши следы,
Гнезд родовых начала.

Символика света и огня также многое определяет в поэзии С. Ли.

Поэт очень тонко и остро ощущает неотвратимый ход Времени, которое «желтеет страницами книг несожженных», а верхи камышей «осыпаются пеплом», сгорая. Воздух может быть острый, как лезвие ножа, а ветер то беспечным, то тугим. Нередко используется прием цветового контраста: белый дом и желтые шторы, белое нежное облачко и черная туча, рыжие и черные муравьи и т.д.

Но даже песенное и танцевальное искусство корейского народа несут в своих образах печаль и мольбу. Приведем стихотворение полностью, потому что в нем выверен каждый образ, каждое слово, и, хотя написано оно на русском языке, сохранен этнический архетип:

Наши танцы
Печально-медлительны,
В наших песнях –
Сплошная мольба.
Я спросил – отчего это?

Услышал – судьба...

Словно отголоски диалога прошлого с настоящим, внука с отцом или дедом прорываются к современному читателю. Танцевальные и музыкальные образы

помогают сохранить не только традиционную культуру, но и «гнезд родовых начала», таинства фамилий (Ли – тонкая белая слива, Ким – золото) и т.д. А в неоглядной степи по-прежнему слышится рокот морского прибоя.

Поэт глубоко озабочен тем, что происходит с национальными культурами в эпоху глобализации. Он размышляет о роли поэта в современном социуме. Этому было посвящено его выступление в Сеуле в 2005 году на Международном поэтическом фестивале мировой поэзии. Об этом – его стихотворение «Останови свое я...», опубликованное в сборнике участников фестиваля из 29 стран мира [15]. Поэт сожалеет: «Маятник / добра и зла / в сторону безумия / ушел далеко за предел». Каждый слышит только себя. Но поэты во все времена мечтали быть услышанными всей нацией. Голос поэта сегодня не может изменить мир. Отсюда – вывод:

Найди в себе мужество
Остановить свое я.

Современная поэзия Казахстана представлена яркими именами поэтов, творчество которых передает национальную суть своего народа. Национальное своеобразие поэтики О.Сулейменова выявляет поэт Б.Канапьянов: «Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновью причастность к казахскому фольклору, казахскому эпосу и вновь, следуя принципу «от частного к общему», предстать сыном человечества, представителем мировой культуры:

По клавишам и – закричат!
На выручку, быстрее Листа,
Из эпоса джигиты мчат,
Опаздывая лет на триста...» [16].

Творчество Марата Исенова – это поэзия новой волны Казахстана, как и Ербола Жумагулова, который, отвечая на вопрос: «Каким поэтом ты себя ощущаешь – русским или казахским?», сказал следующее: «Как автор, пишущий на русском языке, фактически принадлежу к русской литературе, и с этим ничего не поделаешь. Наверное, в равной степени я могу причислить себя не к казахской, но к казахстанской литературе» [17].

Марат Исенов – одно из ярких имен поэзии новой волны, для представителей которой характерна философичность и обостренное восприятие окружающего,

Когда периферия жил
Существованье ставит на кон:
Дожить сейчас, не ворожить,
Не вспоминать, не жечь, не плакать...

В его поэзии необычные поэтические образы: «и пальцы *судорогой душат* друг друга...» («Как плоть и запах мандарина»), «*обрезы* роц слоились под туман» («Свирелело тишайше, но не сложно...»); своеобразные сравнения: «на соснах *седной* сверкает соль», а у короля «борода *мохерила*, как свитер» («Кричали чайки над пустынным пляжем...»). «Тонкий сумрак акаций» *раскрывает* объятья сентябрю. «*Полированный* вечер похож на рояль» («Все оказалось мрачнее, чем грезил Гойя...»).

Когда уходит возлюбленная – умирают музыка и краски.

Я пережил твою тоску и ласку.
Ты отступаешь в холод декабря.
Так умирают музыка и краска.
И холод точит острые края.
«Я пережил твою любовь и ласку...» [18].

Музыка и живопись сопровождают поэзию, да и саму жизнь. Галчонок-смычок поет «венский сумрак старинного парка» («Желторотый смычок-галчонок...»). В его поэзии звучит нота зимы и слишком точно настроен скрипичный ключ. Зарисовка осенней природы дана в стихотворении «Ноябрь в Ботаническом саду»: «разжаловал ноябрь дубы – сорвал регалии», «и все деревья до весны теперь союзники». В осеннем воздухе – «прощальный зов сухого клевера». И вдруг – музыкальный мотив:

Так первой музыки мотив поет, и плещется
 Дуэльный хмель, аперитив, настой на осени.
 Отполированным стволам еще мерещится,
 Что можно корни оборвать и в небо броситься [18].

Пейзажи парка напоминают лирическому герою стихотворения «По периметру лето обступает стеклянный август...» маленький Константинополь, «черно-белое небо в графитной луже – адажио» [18].

Пейзажные зарисовки неповторимы, а городские – лаконичны («Окраины, город, утро. Розовые приюты. / Ночлежка, ларьки, притоны, закусочные, каюты»). Вся природа М.Исенова наделена чертами характера человека. Не случайно одно из стихотворений так и озаглавлено: «Снова ночь почти очеловечена...», а город (стынущий, с рваными легкими) в этом стихотворении движется ползком к рассвету. У города-щелкунчика истеричный клаксон, «стрелы улиц, свирепость машинных атак». В третьем – «Министр сна пропел в агонии...» – улица кажется похожей «на верлибр / вся из парадоксальных сквозняков, / Проулков, крыш, зашторенных палитр, / И сырости междомных тупиков» [18]. В четвертом – «Не гаснут лишь огни реклам, продаж...» – пейзаж

Типичен: трубы, стены, крыши,
 Деревья, мостовые, такелаж
 Антенн и проводов, в них еле слышен
 Могучий ток вечерних новостей
 И тихий скрежет трущихся частей [18].

В стихотворении «Он и его музыка», давшем название третьей части поэтического сборника М.Исенова, лирический герой существует, смеясь и старясь, в маленькой кухне, где царит запах крепкого кофе, а «черный квадрат окна, решетка, как пентаграмма / Против сил», с которыми он не в союзе [18].

В поэзии М.Исенова царствует *колокольня-осень* и ее златоглавая родня; листопад-*первенец*, сухойстой *шепеляв*, *ликуют* «блики на скалах проступающих к воде еловых пагод» («Свирелело тишайше, но не сложно...»), молчание *краснеет* тонкой рябиновой веткой, и статуи *сводят зябко* мраморные колени. Восковая фигура *играет в жмурки* с луной («Осенний дождь упал на землю массой капель...»). Необычны эпитеты: соцветья роз (в одноименном стихотворении) «*чудовищные*» и «*пасмурные*», *золотые шары* бессмертья в листве октября. Вечереющее небо *из хрусталя*, цвет поздней осени, ноября – *плесень*, бегущий в час отлива по дну краб – словно *кисть* пианиста – это и многое другое отличительные признаки палитры поэта.

Листопад перебил, перевесил иные печали.
 Оказался длинней и аллея, и тревог – и они
 замолчали.
 Засылай же гонцов своих, осень, мы снова готовы
 К стону жареной ржи на губах и родне твоей
 златоголовой.
 «Листопад перебил, перевесил иные печали...» [18].

Пусть назавтра мотив оборвется, как миг,
 Ма шери, я ручаюсь, узнаете сами,
 Как дрожит, нагреваясь, в руках «штурмовик»,
 И как хлопает липкая кровь под ногами [18].

В стихотворении о шарманщике-шамане вновь появляется мотив памяти, усиленный военной тематикой и темой репрессий:

Пой, шарманщик, чтоб хрипло вела под уздцы
 Песня темное небо, там звезды – песцы.
 Пой чернильную память кандальных свобод,
 С черноземным замком в еще дышащий рот.

Бормочи же, шаман, нам про известь в крови.
 Про мозоли-зрачки. Что как вежи – в пыли.
 Солонеющий воздух, тягучий, как жир
 Рыбьей печени, выжженной солнцем до дыр [18].

Сложить лоскутную песню лирический герой стихотворения «Ах, мой город-щелкунчик, скупой, как табак...» мечтает вместе с городом, которому он просто так может спеть серенаду. И если Маяковский приглашал солнце на дачу «чай гонять», то М.Исенов приглашает в гости город – «портвейна налью». Он советует городу-собеседнику: «Завари жизни крохи, как плиточный чай, / Да любви допшаек распахуй невзначай» [18].

Поэтический текст, по мнению современных исследователей, «представляет собой сложное гармонизованное целое, все элементы которого представлены и взаимодействуют в языковых (горизонталь – вертикаль) и неязыковых (глубина) слоях текста» [19]. Поэзия М.Исенова только подтверждает это мнение. Предисловие эпиграф из О.Мандельштама: «Все перепуталось, и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея...» («Пуускай меняется пейзаж от года к году...»), казахстанский поэт немеет от музыки, «которой все равно и все – едино: Поэт, Россия, Лета, Лорелея...» [18]. А в третьей части сборника «Он и его музыка» начало одного из стихотворений слово в слово повторяет мандельштамовское: «Я вернусь в этот город», но на этом совпадении завершается. У поэта из Казахстана:

Я вернусь в этот город, как память осенней блокады.
 Как врывается дождь забытья, налетая на залп
 Пролитных хризантем за багровым стеклом маскарада
 Откровенных ветвей и гирлянд апельсиновых ламп [18].

Марат Исенов тонко чувствует слово, и рождаются необычные образы, связанные с его любимой музыкой: «в клавиши *макаешь* пальцы», тоска необъяснимая плывет «звучком *клавесинным* / В пылу осенней марсельезы / Над городом свинцово-синим / В тисках угара и железа...» («Вот в клавиши *макаешь* пальцы...»). В ноябрьском городе, который окутан *лианами* дождя, мокнут крыши и листья «*шелестят* печеньем». Облака, как боги, *сбрасывают* хитоны и тоги и сыпят леденцы секунды изо льда. Поэт замечает все: ветхий, с прожилками листик в луже; верещащую сороку; *виноградные* глаза осени; *менингитное* небо Севастополя; механизмы небес: молнию, гром, прибой; время, которое «шарит лицо, как слепой, или пальчики милой». Его застают врасплох «небеса, сумасшествие, ливень. / И душа акробатом / взбиралась по нитям воды / и по космам гуаши гадала небесным пернатым / на бульваре Сансет...». Чувство слова проявляется и в стремлении выяснить происхождение названия Московского вокзала: Павелецкий – Поволоцкий – Половецкий «скорее согласно сплетен» («Вот о чем напевала чава-цыганка»). В этом М.Исенов продолжает этимологические изыскания О.Сулейменова и его книги «Язык письма».

Четверостишие И.Бродского: «Твой новый год по темно-синей / волне среди шума городского / плывет в тоске необъяснимой, / как будто жизнь начнется снова» избрано М.Исеновым в качестве эпиграфа к анализируемому стихотворению, в котором смещены смысловые акценты. Мотив начинающейся заново жизни в новом году у И.Бродского заменен ненужным будущим и завершившемся прошлым у М.Исенова:

Знакомит с будущим ненужным,
Прощаясь с прошлым.

Следует отметить, что И.Бродский – наиболее цитируемый автор в третьей части поэтического сборника казахстанского поэта:

Утро в трущобах, небо цвета свежего клея.
Те, кого любишь, в прошлом умирать не умеют...
«Утро в трущобах. Ветер. Неизвестный Художник» [18].

У поэта – обостренное чувство времени, поэтому вместо часов на левом запястье «счетчик тикает осторожно. / Просто «двойная такса», и часы постоянно врут. / Те, кого любишь, / в прошлом никогда не умрут». Строчка И.Бродского проходит рефреном, немного варьируясь: «И время авелеву печать / Никогда не поставит без тебя на чело / Тем, кого любишь в прошлом. Далее – ничего».

Блоковское «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» звучит в начале нового тысячелетия так: «Только один / Фонарь погасить / Забыли, и он, горя, / Освещает немного: / Кусок стены и лужицу под собой... / Падает снег. / Темный квартал. / Базальтовый тротуар» – «Падает снег» [18].

Чаще всего М.Исеновым поэтизируется ноябрь – «пора ландшафта», листопад как символ отжившего: «Ветер тронул аллею и, против шерсти, / треплет хвою, глотая *жухлую* облепиху».

У чугунной ограды вниз по ступеням листья,
Словно *муши* бабочек, радуясь о полете,
Шелестят, вспоминая *усопший* шепот Франциска,
И мраморный лев их сторожит на входе.
«У чугунной ограды густо-сухие листья...» [18].

Осенью можно услышать все: топот оленьих стад, пересекающих осень в ее зените, и то, как входят в рост базальтовые снега одиночества, и многое другое. Но главное – можно услышать монологи земли:

И в пещерах, венах, артериях и проводах,
В телефонных книгах спасенья густеет лимфа.
И мохнатой сталью сечется тогда орда
В безвоздушном пространстве мраморного Коринфа...

* * *

И ноябрь в лохмотьях вновь подставляет плечи
Темным птицам для траурного полета,
Осыпая в листву отсыревший горох картэчи... [18].

Размышляя о назначении поэта и поэзии на рубеже веков, когда «рыбак на консервы сдал золотую рыбку» («Картавый двигатель»), М.Исенов приходит к противоречивым выводам: «Словно мышшь в молоке, захлебнувшись стихами, / Шепчешь их торжественно и печально» («У чугунной ограды густо сухие

листья...»). В стихотворении «Я старьевщик по сути своей, но не вижу причин...» поэт тащит свой груз со связкой морщин на сердце, «как бурлак пароход бечевой», и подытоживает баланс:

Спят поэты под сенью осенних оград,
И давно уже кончился наш пробивной ренессанс,
Мы лелеем молчание, ложь, что язык без костей [18].

А печальные музы («Соглашаюсь охотно остаться примерным твоим гражданином...») «обрежут косички / цвета спелой пшеницы, / И уйдут в небеса по старинной привычке, / и не станут нам сниться».

Таким образом, казахские, немецкие, корейские поэты, создающие свои произведения на русском языке, обогащают свою и мировую поэзию, потому что воспитаны на лучших образцах русской, европейской и мировой культуры.

Литература

1. Ауэзов М.М. Ишпокрена. Хождения к колодцам времен. – А.: ИД «Жибек жолы». 1997. – 172 с.
2. Канапьянов Б. ...А песня обновляет мир // Простор. 2003. №12. – С. 34-40.
3. Сагин-Гирей. Неразменное. – Актобе: ТОО «А Полиграфия», 2004. – 160 с.
4. Ананьева С.В., Зейферт Е.И. Немецкая литература // Литература народов Казахстана. – А.: НИЦ «Гылым», 2004. – С. 160-211.
5. Ляпина Л.Е. Лирический цикл в русской поэзии 1840-х – 1860-х гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Л., 1977, 26 с.
6. Ровенский Н. Верность призванию // Ровенский Н. Читай и перечитывая... Статьи, литературные портреты. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – С. 8-32.
7. Зейферт Е. Малый сборник. Стихи и проза. Караганда, 2002. – 136 с.
8. Литературная Азия. – Алматы, 2002. – С. 18-22.
9. Детский взгляд Караганды. Сборник стихов и прозы для детей. / Сост., ред. Е.И. Зейферт. – Караганда, 2004. – 128 с.
10. Мазанаев Ш.А. Проблемы национальной ментальности в многоязычной литературе русского зарубежья // Сравнительное литературоведение: теоретический и исторический аспекты. Материалы Международной научной конференции «Сравнительное литературоведение» (V Поспеловские чтения) / Ред. коллегия: П.А. Николаев, М.Л. Ремнева, А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 285-288.
11. Ли С. Пригоршня света. – М.: РИК «Культура». 2003.
12. Штайн К.Э. Когнитивный артефакт: параметр «глубины» поэтического текста // Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Человек. Картина мира». – Омск, 2000. Ч. 1. – С. 59.
13. Ким А. Мое прошлое // Ким А. Остров Ионы. Метароман. Повести. М.: Центрполиграф. 2002.
14. Ян Вон Сик, С.В.Ананьева. Корейская литература // Литература народов Казахстана. – А.: НИЦ «Гылым», 2004. – С. 211-242.
15. International Poetry Festival for World Peace. – Сеул. – 2005. – С. 97.
16. Канапьянов Б. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов (Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский) // Литературная Азия. Алматы: Жибек жолы. 2002. С. 147-150.
17. Жумагулов Е. «Бог – это человек в его высшем проявлении» // Известия – Казахстан, 2005. 11.11. – С. 7.
18. Исенов М. Аутлэндиш. – А., 2003. – 72 с.
19. Кофанова В.А. Музыкальный текст XVII-XVIII веков как когнитивный артефакт бардовской песни XX столетия // Мировая культура XVII-XVIII веков как метатекст. – С.-П., 2002. – С. 71-74.

